

Профессиональные обзоры**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ВО ФРАНЦИИ****Йохан Хайлброн¹**

Центр экономического и социологического образования и исследований Лиллуа

E-mail: johan.heilbron@wxs.nl

Перевод М.С.Добряковой

Научное редактирование – В.В.Радаев

До недавнего времени экономическая социология не существовала в качестве отдельной дисциплины в рамках французской социальной науки. В 1980-е гг. в социальных науках появлялись различные подходы к анализу экономики, однако ни одно из них не называло себя экономической социологией. Регулятивная школа («Regulation school») возникла как неортодоксальный макроподход, сформированный самыми разными течениями – от неомарксизма до структурной истории школы «Анналов». Экономика конвенций («Economics of conventions») применяет интерпретативный микроподход, фокусируясь на экономических акторах и контексте их ситуативно определенного взаимодействия [situated interaction]. «Revue du Mauss» (1983)² выступила в качестве междисциплинарной платформы для «анти-утилитаристских» течений.

Американская экономическая социология проникала во Францию, главным образом, посредством этих различных течений. Таким образом, она попадала на почву, в значительной степени отличавшуюся от американской. Хотя некоторые американские экономсоциологи, в том числе и Марк Грановеттер, участвовали во французских конференциях и семинарах, обсуждение их идей происходило в контексте, где «экономическая социология» не обозначалась как особая область знания и исследований.

Только после выхода в свет «Хрестоматии по экономической социологии» под редакцией Н.Смелсера и Р.Сведберга (1994) предметное поле и перспективы экономической социологии были ясно очерчены. С той поры экономическая социология стала самостоятельным предметом обсуждения и во Франции. Факт выпуска в 1997 г. основными журналами специальных номеров, посвященных

¹ Перевод статьи: Heilbron, Johan. Economic Sociology in France, *Economic Sociology, European Economic Newsletter*, Vol. 1, No. 1 (October 2000), p. 4-9 // www.siswo.uva.nl/ES.

² Revue du Mouvement Anti-Utilitariste dans les Sciences Sociales.

проблемам экономической социологии, наглядно демонстрирует растущий интерес к этой области знания³.

Ниже я вкратце охарактеризую четыре основных направления, по которым ведется работа в последнее время. С учетом стремительного расширения области интересов исследователей и краткости данного обзора, следует учитывать, что здесь представлена лишь часть более крупного массива проводимых исследований.

Структурная динамика экономического поля

Первое направление работы возникло в недрах сети, сформировавшейся вокруг журнала Пьера Бурдьё *«Исследования в социальных науках»* (*Actes de la recherche en sciences sociales, ARSS*). Как известно, сам Бурдьё давно интересуется социологией и этнографией экономических практик. В частности, в его ранней работе об Алжире рассматривалось расхождение между диспозициями алжирских субпролетариев и запросами капиталистического рынка. Идея Бурдьё о том, что функционирование полей требует специфических диспозиций задействованных на них акторов, по-прежнему остается одним из основополагающих характеристик экономической социологии, представленной в ARSS.

С самого начала в ARSS было опубликовано довольно много статей в области экономической социологии, хотя последняя и не была выделена в качестве отдельной области социального знания. Тематические выпуски журнала были посвящены следующим темам: «Патронат» (No. 20, 1978), «Социальный капитал» (No. 31, 1980), «Социальное конструирование экономики» (No. 65, 1986), «Экономика жилья» (*Economie de la maison*) (No. 80-81, 1990), «Экономика и мораль» (No. 94, 1992) и, наконец, «Экономика и экономисты» (No. 119, 1997). Одни работы вызвали интерес и за пределами Франции (например, статьи о французской экономической элите и социальном капитале), другие – прошли практически незамеченными.

Коллективный исследовательский проект о рынке частного жилья (ARSS 80-81, 1990) можно считать парадигмальным для подхода Бурдьё к экономической социологии. В проекте подробно анализируется устройство и функционирование этого сложного рынка. Исходная посылка Бурдьё состоит в том, что покупка дома является одновременно и экономическими, и символическими инвестициями. Она предполагает не только экономические транзакции, но и влечет вложение эмоций – тех, что связаны с семьей и, чаще всего, с биологическим и социальным воспроизводством. Эта специфическая характеристика придает рынку жилья особую структуру, находящую отражение, например, в том, как современные фирмы, действующие в этой сфере, рекламируют свою продукцию, апеллируя к традиционным ценностям. В серии статей последовательно рассматриваются различные аспекты данного рынка: размер, структура и стратегии главных и второстепенных фирм; реальные интеракции между продавцами и покупателями (на основе аудиозаписи), послевоенная эволюция спроса на жилье и его детерминанты; изменение жилищной политики, проводимой государственными агентствами.

Более поздним примером данного направления исследований является выполненный П.Бурдьё анализ французской издательской деятельности. Здесь вновь мы сталкиваемся с рынком товаров, представляющих собой объект как экономических, так и символических инвестиций. Проанализировав деятельность 61 издательского дома

³ См.: *Actes de la recherche en sciences sociales* (№ 119, 1997), *Revue française de sociologie* (№ 3, 1997), *Cahiers internationaux de sociologie* (vol. CII, 1997).

методом множественной корреляции, Бурдьё и его соавторы выявили различные измерения, структурирующие издательское поле во Франции. Первое измерение предполагает противостояние старых крупных фирм, уже накопивших все виды капитала (яркий пример – издательство *Gallimard*), и мелких, недавно возникших фирм, не располагающих практически никакими ресурсами. У этих мелких фирм порою нет ничего, кроме некоторого объема символического капитала в форме признания со стороны писателей-авангардистов, критиков, просвещенных владельцев книжных лавок и информированных читателей. По второму измерению проходит дифференциация издателей в зависимости от структуры их капитала, т.е. относительного веса их финансового и символического капитала. Третий критерий делит издателей на тех, кто публикует небольшое количество переводов (причем, обычно с мало распространенных языков); и тех, кто публикует много переводов, прежде всего, с английского языка.

В теоретической статье об «экономическом поле» Бурдьё весьма последовательно излагает свою позицию (Bourdieu 1997). То, что он называет экономическим полем, возникает в результате процесса исторической дифференциации, позволившей экономике функционировать согласно особым законам («бизнес есть бизнес»). Этот особый социальный мир рассматривается, во-первых, как силовое поле действующих акторов. Отношения между этими акторами – как правило, фирмами, – основаны на объеме и составе их капитала. Таким образом, понятие поля здесь отлично от его интеракционистской трактовки, свойственной и теории игр, и сетевому анализу. Во-вторых, экономическое поле определяется как поле борьбы, как противостояние между властью имущими теми, кто нацелен на изменения. Здесь Бурдьё затрагивает ряд вопросов, касающихся условий и стратегий изменений (и, в частности, роли технологического капитала). Конкурирующие акторы или агенты – отнюдь не гомогенные образования: фирмы и прочие институты сами являются полями, на которых соперничают разные группы. Таким образом, во избежание механистической интерпретации динамики полей, Бурдьё развивает свои рассуждения дальше и в последней части работы вводит понятие «экономического хабитуса», призванного заменить понятие *homo economicus*, которое, по его мнению, слишком схоластично. Выступая как «социализованная субъективность» [socialised subjectivity], хабитус определяет пути, по которым происходит формирование и реализация экономических и прочих интересов.

Помимо этой общей модели и ее приложений, стоит также упомянуть еще одно особое направление работы Бурдьё – ибо здесь были получены интересные результаты, не имеющие аналогов в американской экономической социологии. В функционировании полей стратегически важную роль зачастую играют интеллектуалы-эксперты, особенно, если они действуют во имя науки и рациональности. Таким образом, социология экономической экспертизы и экономической теории становится неотъемлемой частью экономической социологии. Это рефлексивное направление в американской экономической социологии и в самом деле отсутствует. «Хрестоматия по экономической социологии» (1994) была бы полной, будь в ней раздел, посвященный социологии экономической экспертизы и экономической теории. Многие в этой области было сделано членами коллектива под руководством Бурдьё. Ив Дезале и Бриан Гарт исследовали генезис так называемого «вашингтонского консенсуса» – неолиберальной модели экономической политики, пришедшей на смену кейнсианской модели (Dezalay and Garth 1998). Фредерик Лебарон также опубликовал работу, посвященную социальному конструированию «экономической нейтральности»; в основе которой лежало исследование Совета по денежному обращению Французского

центрального банка (Lebaron 1997a). Лебарон исследовал также поле экономической теории и выполнил впечатляющий анализ противостояния, наблюдавшегося между ведущими французскими экономистами (Lebaron 1997b).

Внимание к когнитивной стороне экономической практики свойственно также и другим французским исследовательским группам. Одно направление работы связано с этнографическим и антропологическим подходами, другое – с историей и социологией экономической мысли.

Экономическая этнография и антропология рынков

В 1996 г. специальный выпуск журнала "Истоки" («*Genèses*») (журнала в области исторически ориентированной социальной науки) был посвящен «экономической этнографии». Различные статьи, собранные и отредактированные Флоранс Вебер, объединяет тщательность предложенных в них описаний и наблюдений. Особое внимание уделяется категориям, используемым для описания и классификации экономических практик; как правило, этот подход естественным образом сочетается в них с исторической перспективой анализа. Статья Флоранс Вебер о домашнем хозяйстве начинается с критического анализа статистических опросов, а затем предлагает альтернативную схему анализа. Статья содержит, помимо прочего, оригинальные рассуждения по поводу значимости «персональных отношений». Эрве Шарде [Hervé Sciardet] анализирует трансакции на тротуарах блошиных рынков. Мари-Франс Гарсиа исследует то, как результаты научных исследований воздействуют на экономику, упрочивая или дискредитируя те или иные практики. Эта работа является продолжением опубликованной ею ранее оригинальной статьи о трансформации рынка клубники в области Солонь (Garcia 1986). В этой новаторской статье он описывает все виды инвестиций, потребовавшиеся для конструирования нового типа рынка. И не случайно новый рынок был так близок к модели «чистого рынка», описываемой в учебниках по экономической теории. Молодой консультант из Палаты сельского хозяйства, по сути, смоделировал реальность, опершись на свои познания, полученные им в ходе обучения как экономиста.

Мишель Каллон недавно опубликовал свои комментарии к статье Гарсиа в сборнике, посвященном когнитивным основам экономики [cognitive framing of the economy] (Callon 1998). Занимавшийся прежде антропологией науки Каллон пишет о том, что экономическая теория не столько наблюдает и объясняет экономику, сколько «придает ей форму, определяет и направляет ее». Экономика «укоренена не столько в обществе, сколько в экономической теории». Экономическая теория при этом понимается в самом широком смысле и включает все знание и все практики, относящиеся, допустим, к бухгалтерскому учету или маркетингу. По мнению Каллона, социологии следует остерегаться двух ловушек: дестраивания образа homo economicus и разочарования в рынке. «Мы ожидаем от социологии не просто построения более сложной модели homo economicus, а осознания ею упрощенности и скудости данной модели». Homo economicus – это не выдумка; он действительно существует. И задача исследователя – понять, каким образом экономическая теория оснащает калькулирующие структуры, позволяя им осуществлять свои калькуляции. Цель антропологии рынков заключена в исследовании «разнообразия форм и распределения калькулирующих структур, а на основе этого, и организованных рынков» (Callon 1998: 51).

История и социология экономической мысли

Совершенно иначе к вопросу о роли экономического знания подходит Филипп Штайнер (Philippe Steiner). Будучи по образованию и экономистом, и социологом [получив образование в области и экономики, и социологии], Штайнер опубликовал

много работ по истории экономической мысли. В некоторых своих работах он придерживается социологического подхода. Например, его «*Социология экономического сознания*» (*Sociologie de la connaissance économique* 1998), по сути, является интерпретацией в веберовском духе экономического знания в период становления классической политэкономии (1750-1850). Штайнер рассматривает различные формы экономического знания того времени с точки зрения его рационализации. Следуя веберовской социологии права и религии, он проводит различие, в особенности, между формальной и материальной рационализацией. Формальная рациональность экономической теории не только по-разному толкуется разными экономистами. Зачастую она также противоречит другим формам рационализации, в такой же степени влияющим на понимание экономических процессов.

Штайнер также более непосредственно связан с экономической социологией и в настоящее время координирует деятельность небольшой французской сети экономсоциологов. У него есть работа, посвященная экономической социологии как интеллектуальной традиции (1995); в соавторстве с Жаном-Жаком Жисленом (Jean-Jacques Gislain) он написал книгу об экономической социологии в период 1880-1920 гг. Опираясь на ряд основополагающих проблем экономической теории, Штайнер и Жислен анализируют ответы ведущих экономсоциологов на вопросы, которые не могла решить чистая экономическая теория. Книга организована тематически и рассматривает работы Парето, Веблена, Вебера, Дюркгейма, Симиана и Шумпетера.

Последняя работа Штайнера, учебник по экономической социологии (1999, в печати), – первая работа такого рода на французском языке. Она будет издана осенью в издательстве La Découverte в виде серии небольших учебников под названием *Repères*.

Финансы и социальное исключение

Наконец, можно упомянуть еще одну область исследований – «финансы и социальное исключение». Группа ученых из Центра Вальрас Университета Лион-2 провела значительное количество исследований в этой области и, прежде всего, в области сберегательного поведения и систем микрофинансов. Первоначально сфокусированные на проблемах стран третьего мира, исследования были расширены до групп иммигрантов в Европе, а после 1994 г. сосредоточились на финансовых практиках вне пределов обычной банковской и финансовой системы.

В эмпирической работе здесь постоянно ставятся два типа вопросов: какой образ денег, сбережений и финансов формируется в изучаемой группе и какого рода финансовые и прочие устройства могли бы предотвратить ее социальное исключение?

Один из последних проектов, «*Евро сегодня*» [*L'euro au quotidien* 1998], анализирует трудности, которые могут возникнуть с введением евро. Различные социальные группы – престарелые, бедные, неграмотные – столкнутся с трудностями при использовании новой валюты. Эти социальные и психологические препятствия анализируются в книге Жана-Мишеля Серве (Jean-Michel Servet), нынешнего директора Центра Вальрас. Книга вышла в серии «*Экономическая социология*» (издательство Desclée de Brouwer), где также изданы работы Ричарда Сведберга, Уильяма Джулиуса Уилсона (William Julius Wilson) и Жана-Луи Лавилля (Jean-Louis Laville), который, помимо этого, является главным редактором серии.

Другой недавний проект – это коллективное исследование Локальных систем торгового обмена [Local Exchange Trading Systems; LETS по-английски и SEL – по-французски].⁴ Первоначально появившись в Канаде в 1970-е гг., эти ассоциации возникли в 1980-е гг. и во Франции, стремительно распространившись в последние годы. Несмотря на свое огромное разнообразие, все LETS характеризуются отвержением власти денег и «возвращением экономики гражданскому обществу» [civic re-appropriation of the economy]. Поскольку у них есть собственная валюта, экономика, с которой они в итоге имеют дело, оказываются между реципрокными отношениями обмена дарами и рыночной системой. В своей работе «*Экономика без денег*» [Une économie sans argent 1999] Серве и его соавторы детально описывают историю этого движения, анализируют нынешнее функционирование ассоциаций и их вариации, а также обсуждают перспективы их развития.

Библиография

- Bourdieu, Pierre 1999 "Une révolution conservatrice dans l'édition" Actes de la recherche en sciences sociales, No. 126-127, pp. 3-28.
- 1997 "Le champ économique" Actes de la recherche en sciences sociales, No. 119, pp. 48-66.
- and others 1990 "L'économie de la maison" Actes de la recherche en sciences sociales, No. 81-82, pp. 2-96.
- Callon, Michel (ed.) 1990 The laws of the market Oxford: Basil Blackwell.
- Dezalay, Yves and Bryant Garth 1998 "Le 'Washington consensus': contribution à une sociologie de l'hégémonie de néolibéralisme" Actes de la recherche en sciences sociales, No. 121-122, pp. 3-22.
- Garcia, Marie-France 1986 "La construction sociale d'un marché parfait: le marché au cadran de Fontaines-en-Sologne" Actes de la recherche en sciences sociales, No. 65, pp. 2-13.
- Gislain, Jean-Jaques and Philippe Steiner 1995 La sociologie économique 1890-1920 Paris: Presses Universitaires de France.
- Lebaron, Frédéric 1997a "Les fondements sociaux de la neutralité économique: le conseil de la politique monétaire de la Banque de France" Actes de la recherche en sciences sociales, No. 116-117, pp. 69-90
- 1997b "La dénégation du pouvoir: le champ des économistes français au milieu des années 1990" Actes de la recherche en sciences sociales, No. 119, pp. 3-26.
- Servet, Jean-Michel 1998 L'euro au quotidien Paris: Desclée de Brouwer.
- (ed.) 1999 Une économie sans argent: les systèmes d'échange local Paris: Seuil.
- Steiner, Philaippe 1995 "Economic Sociology: A Historical Perspective" The European Journal of the History of Economic Thought, Vol. 2, No. 1, pp. 175-195.

⁴ В Локальной системе торгового обмена члены сообщества договариваются о взаимном оказании услуг и предоставлении разного рода продуктов («от каждого по способности...»). Несколько человек при этом выполняют административные функции фиксирования транзакций и распространения информации обо всех товарах и услугах, предлагающихся членами сообщества (прим. перев.).

- 1998 Sociologie de la connaissance économique: essai sur les rationalisations de la connaissance économique (1750-1850). Paris: Presses Universitaires de France.
 - 1999 (in press) La sociologie économique Paris: La Découverte.
- Weber, Florence (ed.) 1996 "Ethnographie économique" Genèses: sciences sociales et histoire, No. 25 (with contributions by Florence Weber, Hervé Sciardet, Marie-France Garcia, Lygia Sigaud).